

РАННИЙ НЕОЛИТ ЗАУРАЛЬЯ: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

© 2019

Мосин Вадим Сергеевич, доктор исторических наук,
директор; ведущий научный сотрудник научно-образовательного центра евразийских исследований
Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН
(г. Челябинск, Российская Федерация); *Южно-Уральский государственный университет*
(национальный исследовательский университет) (г. Челябинск, Российская Федерация)
Яковлева Екатерина Сергеевна, аспирант отделения археологии и этнографии
Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН
(г. Челябинск, Российская Федерация)

Аннотация. Данная статья посвящена узловым историографическим и источниковедческим проблемам, связанным с ранним неолитом Зауралья. Рассматриваются базовые датированные памятники в контексте абсолютной хронологии; анализируются устоявшиеся критерии выделения археологических культур и керамических традиций и типов данного периода; основываясь на статистической обработке керамики поселений лесостепного Притоболья: Ташково 1, Долговское 3, Кочегарово 1, Усть-Суерка 4, выделяются некоторые стадийные признаки в развитии материальной культуры раннего неолита в рамках первой и второй половин VI тыс. до н.э. Обращается внимание, во-первых, на совместное и единовременное бытование кошкинских и козловских древностей в рамках поселений, а, во-вторых, на совпадение целого ряда характеристик материальной культуры кошкинской и козловской традиций, касающихся морфологии посуды, техники орнаментации и основных декоративных мотивов. В рамках социокультурного подхода предлагается вместо разделения источникового корпуса на две самостоятельные линии развития, рассматривать их как комплексы двух сосуществующих и взаимодействующих традиций в рамках единого социокультурного пространства. Подчеркивается, что проблема неолитизации Зауралья на основании имеющихся данных в настоящий момент также не может быть решена однозначным образом.

Ключевые слова: историография; ранний неолит; Зауралье и лесостепное Притоболье; радиоуглеродная хронология; кошкинская традиция; козловская традиция; кокшаровско-юрьинский тип; евстюнихский тип; керамические признаки; культурно-хронологическая схема; социокультурный подход; неолитизация.

Для периода раннего неолита источниковый корпус включает в себя порядка 100 памятников разной степени изученности, расположенных на территории Зауралья и Притоболья. При кажущейся представительности, эта база довольно неоднородна как территориально, так и с позиции радиоуглеродного датирования. При взгляде на карту заметно, что основная масса выявленных памятников сконцентрирована вокруг крупных городов, таких как Екатеринбург, Челябинск, Тюмень, Курган, но большая часть берегов рек Тобольского бассейна (Тура, Ница, Пышма, Миасс, Уй) до сих пор не обследована. Поскольку локальные территории зауральского региона имеют некоторое культурное своеобразие, такие географические пробелы в источниковой базе являются актуальной проблемой.

Вторая проблема связана с распределением датированных комплексов: очевидно совершенное их преобладание для лесного Зауралья, в основном, за счет Кокшаровского холма. В лесостепном Притоболье, где известно значительное количество ранне-неолитических памятников, ощущается явная недостаточность датировок, граничащая с полным отсутствием, особенно для памятников/керамики кошкинской традиции.

Третья проблема связана с дискуссией о культурно-хронологических концепциях и, соответственно, источниковедческих критериях разделения культур/традиций.

Такое состояние источниковой базы и историографии делает необходимой некоторую ревизию ис-

ходных данных и их корреляцию с современными культурно-хронологическими представлениями. Для решения этой задачи в данной статье будут рассмотрены, во-первых, сами концепции, связанные с ранне-неолитическим временем, во-вторых, материалы основных памятников, исследованных раскопками и имеющих в наличии данные абсолютной хронологии. Поскольку последние годы авторы работали в зоне лесостепного Зауралья и Притоболья, большее внимание будет уделено соответствующим материалам.

Формирование представлений о ранне-неолитической керамике Зауралья началось в 1950-е гг. благодаря В.Н. Чернецову. По результатам работы в Тюменском Притоболье на стоянках Козлова переяма (Козлов мыс) и VIII пункт он выделил козловскую фазу неолита, характерными для которой были: сосуды с округло-приостренным дном, венчиками с напыльями и орнаментацией в виде волнистых линий в отступающе-накольчатой технике, с некоторым присутствием прочерчивания и оттисков гребенчатого штампа; композиция орнамента – с делением на горизонтальные зоны, внутри них – на вертикальные [1, с. 47]. Чуть позже близкую по содержанию периодизацию предложил О.Н. Бадер, чьи названия этапов надолго закрепились в историографии [2].

В 1962 г. у дер. Кошкино Л.Я. Крижевской была исследована стоянка Кошкино V, давшая оригинальный керамический комплекс, имеющий сходство с недавно открытой К.В. Сальниковым боборыкинской

культурой. Ранненеолитический возраст кошкинских материалов был установлен значительно позже [3, с. 26–29]. Для кошкинского типа керамики характерными чертами были признаны: закрытая и прямостенная форма, наличие как округлых, так и плоских днищ, разнообразное оформление венчика, орнаментация в отступающее-накользящей и прочерченной манере, «узор в виде горизонтальных поясов из прямых, наклонных и волнистых линий» [4, с. 73].

В.Ф. Старков [5] также анализировал материалы неолита в рамках трехстадийной периодизации. В качестве признаков ранненеолитической керамики им были выделены следующие [5, с. 81–84]: в основном приземистые закрытые сосуды, с отступающее-накользящей и прочерченной техникой орнаментации (причем последняя сопровождается большей разреженностью), мотивами на основе: 1) взаимонаклонной штриховки в горизонтальной и вертикальной плоскости, 2) вертикальных волнистых прочерченных линий, 3) горизонтальных волнистых линий в прочерченной и отступающее-накользящей манере. Видно, что второй и третий пункты, по существу, являются одним и тем же мотивом простых линейных орнаментов. Для развитого неолита, по мнению В.Ф. Старкова, характерен не только рост доли применения гребенчатого штампа, но и, что важно, большее разнообразие видов орнамента [5, с. 94]. Помимо полуденских, в контекст обсуждения им помещается керамика также козловского и кошкинского облика, причем с одних и тех же памятников (например, стоянки Махтыли, Романовские, а также отдельные фрагменты с Ипкуль 13). В числе признаков «развитости», которые стоит отметить как относящиеся к проблеме ранненеолитической керамики в ее современном понимании, это разделительные пояски либо из оттисков гребенчатого штампа, либо из наколов стержня [5, с. 95] и тенденция к разреженности прочерченных орнаментов [5, с. 98]. Таким образом, к раннему (и развитому) неолиту были отнесены равным образом и козловские (кокшаровско-юринские и евстюнихские) и кошкинские сосуды, никак не разделенные между собой.

Принципиально отличный взгляд на культурно-хронологическую схему неолита в 1989 г. был предложен В.Т. Ковалевой [6]. Она разделила весь массив данных на две культурных линии развития с двумя последовательными этапами: козловско-полуденскую и кошкино-боборыкинскую. Характерно, что на тот момент козловские и кошкинские материалы осмыслились ей как «типы памятников», и только в историографии 2000-х гг. они были окончательно разведены в качестве самостоятельных культур. Культурные признаки, выделяемые ей для керамики, приводятся в отдельной таблице (табл. 1).

Многолетним оппонентом В.Т. Ковалевой с диаметрально противоположным взглядом на периодизацию и культурные процессы в неолите Тоболо-Ишимья является В.А. Зах [7; 8]; в его интерпретации ранненеолитический пласт керамики помещается в развитый и поздний период, вслед за первичной боборыкинской; кошкинские и козловские материалы являются результатом развития и взаимодействия с местным населением, причем «имеющиеся материалы ... позволяют ... евстюнихские, кокшаровско-

юринские и сумпаньинские [комплексы]... отнести к различным культурным образованиям, сложившимся на северной боборыкино-кошкинской основе» [7, с. 74]. По крайней мере, для территории к западу от Тобола такая схема хронологически никак не подтверждается.

В 2000-е гг. В.С. Мосиным был предложен социокультурный подход [9], рассматривающий древние социумы в контексте постоянного взаимодействия носителей разных традиций в рамках единого социокультурного пространства, тем самым снимая культурный изоляционизм с их повседневной жизнедеятельности. Одним из проявлений этих процессов является совместное залегание посуды разных традиций, то есть, применительно к рассматриваемому периоду раннего неолита, кошкинской и козловской, в культурных слоях и объектах поселений.

Спор о параллельном существовании (с возможными отдельными эпизодами взаимодействий [4, с. 83] или совместном сосуществовании неизбежно ставит вопрос о критериях разделения керамики, так как атрибуция керамических комплексов просто по «большинству» сосудов (причем наиболее целых, а не наиболее типологически распространенных) дает искаженное представление о характере источниковой базы.

Несмотря на то, что источниковый корпус неолитической эпохи включает в себя три основные категории – жилища, каменный инвентарь и керамику, – основная культурно-определяющая нагрузка ложится на последний тип источника. Так, для неолитических жилищ всех культурных групп, включая крайне своеобразную боборыкинскую, даются пересекающиеся признаки: прямоугольная полуземлянка/слабоуглубленное сооружение до 0,8 м глубиной, с канавками и/или ступенчатым входом [6, с. 20, 32, 45, 54]. Наибольшие различия, согласно этим критериям, имеются между козловскими и кошкинскими постройками, однако самый факт совпадения признаков для разных традиций позволяет задуматься о степени культурной нагруженности тех остатков хозяйственных сооружений, что имеются в нашем распоряжении. Кроме того, раскопки последних лет (ст. Черников брод 1, пос. Кочегарово 1, пос. Ташково 1) позволяют говорить о наличии слабоуглубленных построек и в рамках козловской традиции.

Что касается каменной индустрии, то и здесь для ранненеолитического инвентаря нет абсолютно никаких признаков, позволяющих различить две культурные группы. И даже напротив – имеются утверждения о чрезвычайном сходстве не только ранне-неолитической, но и всей поздне-неолитической индустрии [10, с. 152]. Таким образом, единственный надежный тип источника, на котором строится двухчастная культурная схема, это керамика.

Основной труд, являющийся «сводом» типологических признаков для всех имеющихся в Зауралье неолитических традиций – «Неолит Среднего Зауралья» В.Т. Ковалевой. Критерии, предложенные ей в 1989 г. для кошкинской и козловской посуды, с течением времени не претерпели существенных изменений, исключая только отказ от культурной преемственности между кошкинской и боборыкинской культурами.

Таблица 1 – Признаки раннеолитической керамики (по В.Т. Ковалевой)

	Признак	Кошкинская керамика	Козловская керамика
1	Форма	– баночная	– баночная, – <i>горшечно-баночная</i>
2	Венчик	– с <i>воротничком</i> , – с наплывом, – без напыла	– с наплывом, – без напыла
3	Дно	– округлое, – <i>плоское</i>	– округлое, – <i>коническое</i>
4	Обработка поверхности	– <i>есть (заглаживание)</i>	– <i>нет</i>
5	Техника орнаментации	– (отступающе)-накольчатая, – прочерченная	– (отступающе)-накольчатая, – прочерченная
6	Орнаментир	– стержень	– стержень, – <i>штамп</i>
7	Орнаментация	– полная разреженная, – <i>частичная/отсутствующая</i>	– полная плотная
8	Направление орнамента	– горизонтальное, – <i>вертикальное</i> , – с вертикальным разделителем	– горизонтальное, – с вертикальным разделителем
9	Расположение орнамента	– снаружи, – внутри по венчику, – <i>изнутри по стенкам и дну</i>	– снаружи, – внутри по венчику
10	Способ орнаментации	– повтор линий (монотонный линейный орнамент), – <i>чередование волн и прямых</i>	– повтор линий (монотонный линейный орнамент), – <i>взаимонаклон</i>
11	Мотивы	– волны, – <i>зигзаг</i> , – прямые, – «дерево»	– волны, – прямые, – <i>треугольники, прямоугольники, ленты наклонных отрезков, сетка.</i>

Примечание. Курсивом выделены несовпадающие признаки.

Сопоставление признаков в виде таблицы (табл. 1) показывает, что большинство из них совпадают. Те же, что являются различительными, как показывает работа с коллекциями, не являются частыми и регулярными, и, кроме того, нередко встречаются на обоих типах посуды. Так, характерно, что мотив треугольников, связанный с козловской традицией, иногда встречается и на кошкинской посуде (ЮАО XIIIa, XV), вертикальная и отсутствующая орнаментация, приписываемая кошкинской традиции, нами встречена на посуде козловского облика коллекции стоянки Кедровый мыс-1, маленький сосудик без орнамента происходит со стоянки Черников брод 1 [11, с. 53]. Такое регулярное «взаимопересечение» ряда признаков интерпретируется нами как результат взаимодействия традиций в рамках единых социумов; в противном случае отсутствие строгих и однозначных критериев для разных культур ведет к волюнтаризму в атрибуции ввиду размывания границ.

Критерии, предлагаемые В.А. Захом, также не снимают всей суммы противоречий, так как, ввиду специфики культурно-хронологической концепции, кошкинскую керамику он определяет в сравнении с боборыкинской: выступ днищ менее выражен, появляется наплыв, меньше частично орнаментированной посуды, появляются вертикальные узоры из наклонной штриховки, сокращается доля ямочных и геометрических узоров [7, с. 73]. По нашему же мнению, представляемые автором материалы Мерген 6 можно рассматривать не как кошкинский этап боборыкинской культуры, а как сосуды кошкинской и

боборыкинской традиций в рамках взаимодействий внутри социокультурного пространства.

Для козловской посуды даются, в сущности, те же признаки, что и В.Т. Ковалевой. Речь идет о банках с округлым и приостренным дном, с наплывом, иногда – «ушками»; орнамент полный, выполненный в технике прочерчивания и отступления, с периодическим использованием гребенчатого штампа, состоит из лент с линиями и треугольниками, взаимонаклонной штриховкой [7, с. 75]. Характерно, что мотив треугольников встречен и на посуде кошкинского и боборыкинского типов коллекции Мерген 6, получивших безусловно ранние даты (устное сообщение Д.Н. Еньшина).

Для решения проблемы культурных признаков раннеолитической керамики Зауралья, обратимся к наиболее значимым памятникам в их относительной хронологии.

По имеющимся в настоящий момент данным, наиболее ранние памятники происходят из Среднего Зауралья, это: культовый памятник Кокшаровский холм-Юрьинское поселение, стоянки Варга-2 и Береговая II торфяниковая, даты с которых связаны с концом VII тыс. до н.э. (cal BC). Все из заявленных памятников связаны с материалами кошкинского и козловского (кокшаровско-юрьинского) облика, с некоторым хронологическим приоритетом первого.

Самым ранним памятником Зауралья является святилище Кокшаровский холм-Юрьинское поселение, захватывая вторую половину VII тыс. до н.э. (cal BC) [12, с. 99], причем кошкинская керамика имеет

незначительный хронологический приоритет. Опубликованные сосуды обеих традиций обращают на себя внимание тем, как сконцентрированно представлены в них типологические характеристики: кошкинские сосуды отличаются разреженностью орнамента и его неполнотой, орнаменты базируются на простых линейных мотивах, за исключением одного сосуда с треугольником на основе взаимонаклонной (взаимопроникающей) штриховки. Принципиально противоположным образом выглядит орнаментация козловских (кокшаровско-юринских) сосудов: узор плотный, полный, часто используются не только линейные орнаменты, но и мотив взаимонаклона. Морфологически и те, и другие представляют собой простые круглодонные банки с небольшими или отсутствующими наплывами; возможно, козловская (кокшаровско-юринская) посуда имеет тенденцию к большей приземистости, хотя именно вытянутые формы как таковые отсутствуют.

Нельзя не заметить, что керамика Кокшаровского холма, будучи в целом характерной для зауральского неолита, резко отлична от поселенческих материалов, в которых нет такой чистоты типов. В этом нет логического противоречия, если принять во внимание культовый характер обсуждаемого памятника. Возможно, что столь резкая орнаментальная разница вызвана попыткой выстроить дуалистический визуальный ряд в рамках двух сосуществующих родовых традиций, совершающих обрядовые действия в пределах общего пространства, что не столь значимо для бытовых памятников тех же коллективов. Безусловный отпечаток ритуально-родовой принадлежности посуды накладывают распространенные на Кокшаровском холме фигурные налеты в обеих группах сосудов, что скорее нетипично для поселенческой посуды.

Кроме разницы типов памятников, имеет значение и проблема репрезентативности выборки: представление о характере коллекций формируется на основе опубликованных данных, при этом часто остается неизвестным вопрос о том, являются ли эти материалы наиболее регулярными по встречаемости или наиболее яркими.

А.Ф. Шорин, выделяя кокшаровско-юринский тип керамики [13, с. 154–156], обозначил для него следующие признаки: баночная форма с округлым/приостренным, редко уплощенным дном; преобладание отступающе-накольчатой техники орнаментации, с использованием также и прочерчивания, наколов, оттисков гребенчатого штампа; небольшие наплывы и разнообразная форма венчика; полная орнаментация сосуда с горизонтальной зональностью и вертикальной разбивкой внутри зон; распространение мотива взаимонаклона с волнистыми линиями; фигурные налеты на венчиках.

Отдельного описания кошкинской керамики автором не представлено, хотя из приведенного списка критериев заметно, что многие из них, исключая мотив взаимонаклона (и отсутствие частичной орнаментации), могли бы фигурировать и в описании кошкинской посуды.

Следующий памятник в хронологической последовательности – поселение Варга-2 [14], даты которого идентичны наиболее ранним датированным сосудам Кокшаровского холма, но значительно уступают датам из объектов.

Наиболее ранние даты, полученные для стоянки Варга-2 – это 7080 ± 70 (ГИН-13855) – $(6030-5890$

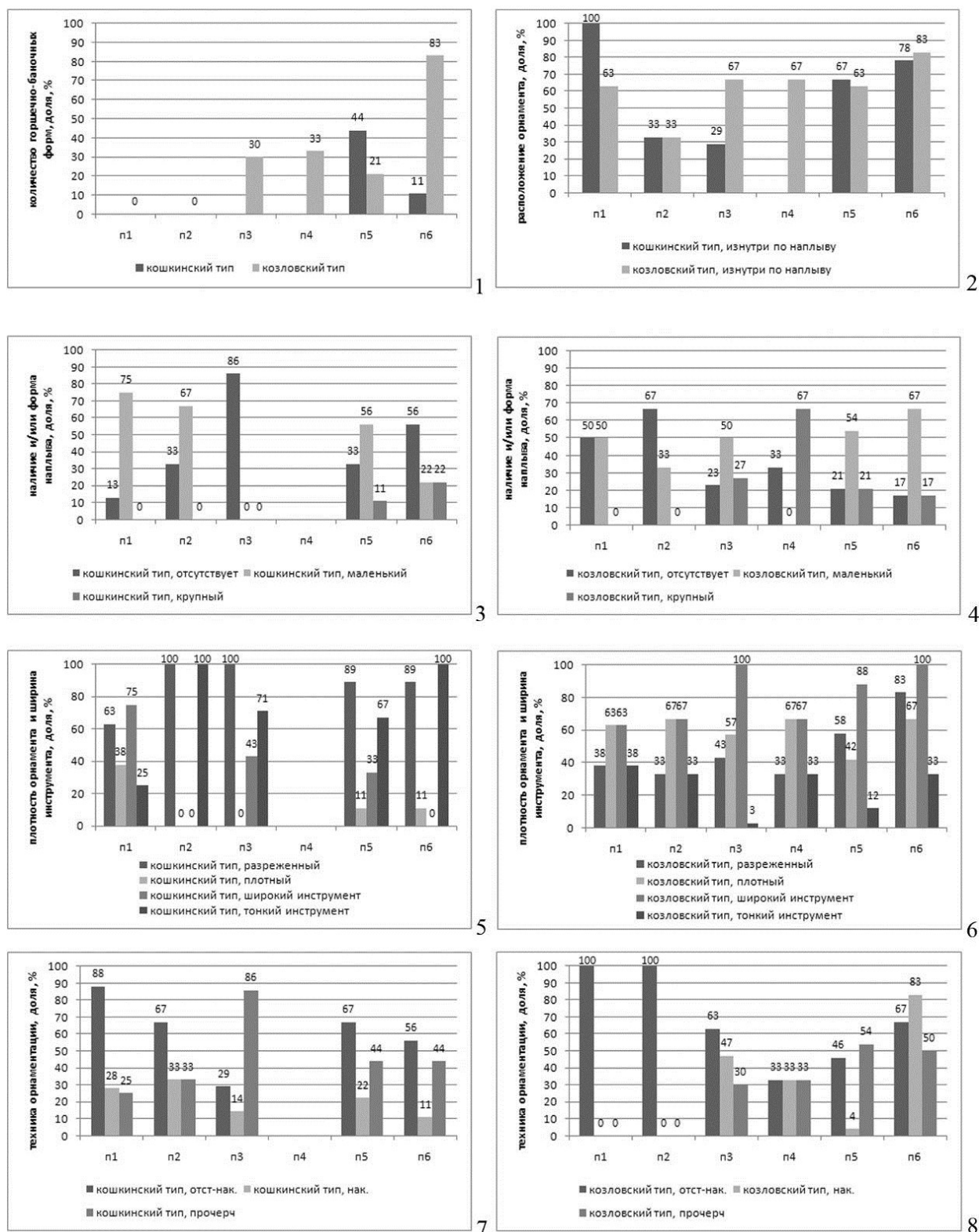
cal BC) и 6970 ± 40 (ГИН-13849) – $(5980-5770$ cal BC), т.е., самый конец VII – начало VI тыс. до н.э., что в целом позже наиболее ранних отметок Кокшаровского холма. Для керамики, достоверно атрибутируемой как кошкинская или кокшаровско-юринская, выделяются следующие черты. Для кокшаровско-юринской посуды: преобладание отступающе-накольчатой техники, большей плотности орнамента и мотивов взаимонаклона; для кошкинской посуды: преобладание прочерченной техники, несколько большая разреженность и простые линейные мотивы. Сосуды имеют баночную форму; наплывы небольшие и чаще всего отсутствующие. Важно отметить, что ни одного плоского доньшка не было обнаружено [14, с. 49]. Непосредственное знакомство с керамикой, а также замечания авторов о небесспорности атрибуции некоторых сосудов из-за взаимовстречаемости признаков композиции и техники орнаментации [14, с. 42], позволяют отметить, что, несмотря на известную типологическую разницу между сосудами этих традиций, она не носит *принципиального* характера.

На поселении Ташково 1 в лесостепном Притоболье была получена дата по нагару на сосуде козловского облика – 6978 ± 110 (SPb-2573) – $(6049-5666$ cal BC) – конец VII – первая половина VI тыс. до н.э., т.е., в близкой хронологической нише к датам лесной зоны. Ранее полученная дата по углю – 7440 ± 60 (ЛЕ – 1534) выглядит слишком удревненной.

Для комплекса с козловской и кошкинской керамикой на поселении Долговское 3 по углю из ямки в полу жилища была получена дата 6910 ± 70 (SPb_2153) – $(5921-5667$ cal BC), что также соответствует первой половине VI тыс. до н.э.

Попробуем дать совокупное описание керамики первой половины VI тыс. до н.э. поселений Ташково 1 и Долговское 3, основанное на статистическом анализе распределения признаков (для пос. Ташково 1 учет велся только для новых данных, полученных в 2018 г., так как материалы прошлых лет практически недоступны).

Керамика представлена посудой кошкинской и козловской (кокшаровско-юринский тип) традиций. Оба типа посуды являются приземистыми банками с округлым (или округло-коническим) дном, в основном с небольшими, слабовыраженными, наплывами по венчику. И кошкинские, и козловские сосуды имеют орнаментацию снаружи и часто орнаментированы изнутри (по наплыву). Орнаментация дна изнутри встречена только на одном кошкинском сосуде. Частичная орнаментация не встречена, хотя есть один козловский сосуд с *возможно* неорнаментированным дном (рис. 2: 2). Для кошкинской посуды более характерен разреженный орнамент, что, вероятно, обусловлено предпочтением тонкого орнамента (пос. Долговское 3), хотя для пос. Ташково 1 это не связанные признаки – разреженность сохраняется даже при использовании крупного инструмента (в качестве условного критерия плотности принималось расстояние между элементами орнамента, приблизительно равное ширине следа орнамента; за тонкий инструмент принимались следы шириной до 2 мм). Для козловских же сосудов – на данном этапе – связь ширины орнамента и плотности узора несомненна. Техника орнаментации – с преобладанием отступающе-накольчатой для кошкинской керамики и исключительно отступающе-накольчатой для козловской.

Рисунок 1 – Графики распределения керамических признаков.

- 1 – морфология (появление горшечно-баночных форм в кошкинской и козловской керамике),
 2 – наличие орнамента по наплыву, 3 – наличие и/или форма наплыва в кошкинской керамике,
 4 – наличие и/или форма наплыва в козловской керамике, 5 – плотность орнамента и ширина инструмента в кошкинской керамике, 6 – плотность орнамента и ширина инструмента в козловской керамике,
 7 – техника орнаментации в кошкинской керамике, 8 – техника орнаментации в козловской керамике;
 n1 – пос. Ташково 1, 1 этап; n2 – пос. Долговское 3, 1 этап; n3 – пос. Ташково 1, 2 этап;
 n4 – пос. Долговское 3, 2 этап; n5 – пос. Кочегарово 1; n6 – пос. Усть-Сурек 4

Композиция орнамента в обоих типах раннего этапа простая, основанная на лентах или поле (нерасчлененное пространство поверхности сосуда). В козловской, благодаря мотиву наклонной штриховки, значительно чаще встречаются разделители. Спо-

соб компоновки: для кошкинской преобладает простой повтор (прямая симметрия) с характерным чередованием прямых и волн, для козловской – взаимонаклон (зеркальная симметрия) методом заполнения поля (треугольники и прямоугольники) или че-

редования лент (разно-заштрихованные зоны). Мотивы схожие, но волнистая линия абсолютно преобладает в кошкинской традиции, а в козловской чаще встречается тема прямых линий, а также геометрический мотив треугольников и прямоугольников за счет взаимонаклонных отрезков.

Таким образом, можно заметить, что для ранне-неолитической керамики первой половины VI тыс. до н.э., в целом, характерна морфологическая и орнаментальная близость, почти однородность; черты различия выражаются в следующем: в козловской посуде преобладает отсутствие наплывов, отступающее-накольчатая техника орнаментации преимущественно крупным орнаментом, причем плотность орнамента напрямую связана с его размером (рис. 1: 4, 6, 8), и, наконец, отличительный способ компоновки, не встреченный в кошкинской посуде указанных памятников – метод зеркальной симметрии.

Учитывая немногочисленность керамики лесостепного Притоболья этого времени, данные статистические выводы можно признать тенденцией, тем более, что они не вступают в противоречие с прочими синхронными материалами, особенно поселенческими. Как наиболее ранние, эти признаки могут быть приняты за культурнозначимые для атрибуции керамики кошкинской и козловской традиций.

Вторая половина VI тыс. до н.э. представлена опубликованными (полностью или частично) материалами поселений лесной зоны – Евстюниха 1 [15; 16], Исетское Правобережное [17], Шайдурихинское 5 [18], из которых подробно мы остановимся на первом как наиболее полном представленном иллюстративно; в лесостепном Притоболье – это Исток 4 [19] и Ташково 3 [4] и поселения, керамические комплексы которых были включены в статистическую обработку: керамика, имеющая более поздние даты в рамках раннего неолита с поселений Ташково 1, Долговское 3, Кочегарово 1, Усть-Суерка 4.

Для поселения Евстюниха 1 были получены две даты по органическим остаткам в керамике: 6320 ± 90 (Ki-16039) – (5470–5210 cal BC) и 6180 ± 90 (Ki-16040) – (5290–5000 cal BC), т.е. вторая половина VI тыс. до н.э. Из-за априорного представления о большей архаичности прочерченной техники орнаментации, керамика этого памятника ранее считалась наиболее древней. Даты, уводящие датировку комплекса во вторую половину VI тыс. до н.э., стали поводом к осмыслению действующей культурно-хронологической схемы. Важно отметить, что автор публикации находит вероятным совместное бытование носителей евстюнихской и полуденской традиции в рамках исследованного жилища [15, с. 51, 71].

Характерными чертами евстюнихского комплекса являются: во-первых, преобладание прочерченной техники орнаментации, а также активное использование отдельных наколов как для бордюрных зон, так и для всей орнаментальной плоскости; во-вторых, велико количество простых линейных орнаментов из прямых и волнистых линий, хотя распространен и мотив треугольников – причем не заполняющих все поле/ленты сплошь, но и нанесенных на заштрихованный фон. Автор характеризует орнамент как «плотный», однако, поскольку в литературе нет четко установленной градации плотности/разреженности, то в пределах принятой нами условной единицы плотности (расстояние между элементами равно

ширине инструмента), орнаментацию евстюнихской посуды можно назвать разреженной – или, во всяком случае, *более разреженной* по сравнению с ранней козловской посудой.

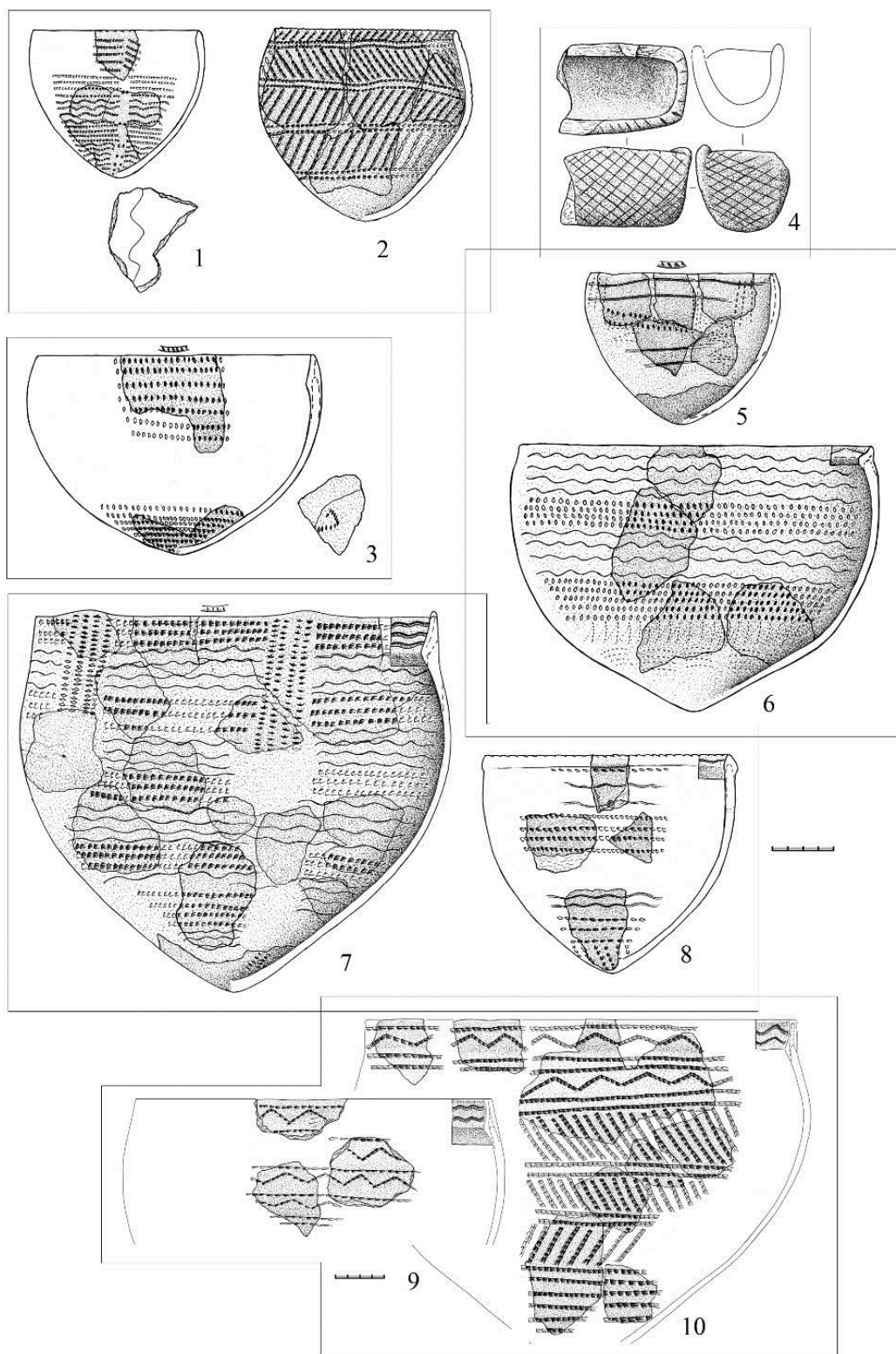
Также стоит отметить такие морфологические особенности, как наличие вытянутых форм с низкими наплывами – возможно, это локальный тип или частный случай поселенческого материала, и, во всяком случае, он не является маркером самого раннего этапа неолита. Стоит обратить внимание и на то, что в коллекции присутствует по крайней мере один сосуд с вертикальной орнаментацией, которая считается признаком кошкинской посуды, однако же в данном комплексе он не выбивается из общего гомогенного ряда посуды.

Поселение Ташково 3 также имеет две радиоуглеродные даты: 6380 ± 120 (Le-4344) – (5470–5320 cal BC) по углю, и 6470 ± 90 (Ki-15117) – (5620–5290 cal BC), т.е. также вторая половина VI тыс. до н.э. Коллекция представлена керамикой кошкинской и боборыкинской традиций, но материалы опубликованы частично. Характерная черта данного комплекса – значительная доля сосудов «хрестоматийного» кошкинского облика: опубликованы два плоских донца наряду с круглодонными, есть три неорнаментированных сосуда, и большая часть керамики также орнаментирована частично либо разреженно. Орнаментальные мотивы построены на простых линейных узорах, прямых и волнистых, либо их чередовании; присутствует мотив «дерева» и наклонных линий, с использованием вертикальных разделителей. Форма всех сосудов, вне зависимости от дна, баночная.

Среди опубликованных материалов отсутствует керамика козловского типа, поэтому типологическую чистоту комплекса можно связать именно с этим фактом, либо с возможной неполнотой репрезентации. Так или иначе, стоит обратить внимание именно на то, что данный набор ярких признаков встречен только в отрыве от материалов козловской традиции. Там, где на поселении фиксируются и та, и другая традиции, столь выраженные черты отсутствуют.

Прочерченно-накольчатая керамика поселения Исток 4 относительно синхронна Ташково 3 – 6620 ± 260 (Le-2998) – (5800–5300 cal BC) и также отнесена к кошкинскому типу. Однако «своеобразие памятника заключается в сочетании этой посуды с гребенчатой в рамках единого комплекса» [19, с. 141]. В опубликованных материалах также присутствует немало фрагментов, которые, вероятно, связаны с козловской традицией, если считать взаимонаклонные (взаимопроникающие) треугольники и плотную орнаментацию крупным инструментом ее культурным признаком. В целом же комплекс кошкинской керамики памятника характеризуется типичной для данной традиции прочерченно-накольчатой техникой орнаментации, разреженными узорами из прямых, волнистых и чередующихся таких линий.

Материалы с памятников лесостепного Притоболья, включенные в статистическую обработку для второй половины VI тыс. до н.э.: Ташково 1, типологически сюда же отнесен более поздний комплекс раннего неолита с Долговского 3, Кочегарово 1, Усть-Суерка 4. Для статистической обработки были использованы 89 сосудов ранне-неолитического облика, с общим преобладанием (63 экз.) козловской посуды.

Рисунок 2 – Ранненеолитические сосуды лесостепного Притобья.

1–3, 5, 7, 8 – пос. Ташково 1; 4, 6, 9, 10 – пос. Кочегарово 1

Керамика этого периода теряет типологически оформленные характеристики раннего этапа и в комплексах растёт разнообразие:

1) Форм: распространяются горшечно-баночные формы, часто с крупными, хорошо оформленными, наплывами (причем не крупные или отсутствующие наплывы не исчезают из комплексов, а только сокращают свою общую долю) (рис. 1: 1, 3, 4); увеличивается доля конических днищ. Среди проанализированных материалов не встречено ни одного плоского кошкинского донца, однако таковые споселений

Исток 4 и Ташково 3 относятся к этому же времени. Кроме того, один козловский сосуд полуцилиндрической формы, то есть с уплощенным в длинной проекции дном, имеется на пос. Кочегарово 1 (рис. 2: 4).

2) Техники орнамента: растёт доля прочерченной техники в обеих традициях, что особенно бросается в глаза для козловской керамики (рис. 1: 7, 8). Общая доля прочерчивания в комплексах составляет около половины, кроме того, активно (почти 40% случаев) используется техника накола как для бордюрных зон, так и для самостоятельной орнамен-

талии. Вероятно, уже сейчас можно ставить вопрос и о том, чтобы включить редкое использование гребенчатого штампа в контекст поздней кошkinsкой традиции, наравне с козловской: сосуществование прочерченно-накольчатой и гребенчатой техники орнаментации при переходе от раннего неолита к позднему можно считать несомненным, и нет ничего принципиально невозможного в том, чтобы носители поздней кошkinsкой традиции также воспринимали эту новацию (рис. 2: 5, 6). Также фиксируется тенденция к большей разреженности орнаментов в рамках обеих традиций, причем для козловской посуды связь «крупный орнаментир – плотный орнамент» постепенно разрывается (рис. 1: 6).

3) Орнаментальной композиции: растет доля организации композиции лентами, редко, но встречаются более сложные компоненты «блоков» – аритмичных в контексте всей композиции элементов, нарушающих последовательность повторяющихся компонентов. При этом несколько сокращается доля разделителей, как вертикальных, так и горизонтальных.

4) Орнаментальных мотивов: растет доля прямых линий и отрезков, и сокращается – волн; появляются зигзаги и арки (рис. 2: 10). Из-за снижения частоты употребления мотива взаимонаклона в козловской посуде, сокращается число треугольников и прямоугольников. Причем этот мотив, типично козловский на раннем этапе, в комплексах данного времени встречается и на кошkinsкой посуде, зачастую отличаясь от козловской только размером орнамента: носители кошkinsкой традиции отдают явное предпочтение тонкому стержню. Кроме того, в козловской традиции растет доля простых линейных мотивов, до этого преобладавших в кошkinsкой посуде.

Именно сочетание следующих тенденций: рост доли прочерчивания, разреженности и простых линейных орнаментов – делает значительный массив керамики трудноразличимым в категориях кошkinsкого и козловского типов (рис. 2: 3, 7, 8, 9, 10), так как, в зависимости от размера орнамента и конкретной формы венчика, они могут атрибутированы произвольно. Кроме того, в наиболее поздних памятниках – Кочегарово 1, Усть-Суерка 4 – в контекст взаимодействия включаются и другие, совершенно чужеродные традиции – маханджарская, боборыкинская, что накладывает специфический отпечаток на облик керамики.

Возможно, для поселенческих коллекций раннего неолита, и особенно его второй половины, указанные проблемы типологии и разведения признаков являются трудностью исследовательского восприятия. Для археолога остается неизвестным, насколько важным такое деление было для носителей самих традиций в их ежедневных практиках, не связанных с культовой деятельностью, и не является ли попытка строгого разделения поселенческой керамики только по типам навязыванием источнику собственных культурологических представлений.

Подводя итоги, нужно обратить внимание, что, независимо от того, что ранне-неолитическая материальная культура Зауралья очевидным образом делится на две культурные традиции, ввиду сосуществования носителей этих традиций в рамках единого социокультурного пространства, граница между ними не является принципиальной и непроходимой, имеющей статус независимых археологических культур. С постепенным накоплением все новых и новых материалов становится очевидным, что разница между

ними не так принципиальна, а черт сходства в них существенно больше, чем различий.

Все растущие возможности абсолютного датирования в последнее десятилетие постоянно ставят новые и актуализируют старые вопросы исследователя к источнику: о появлении керамики, о направлении эволюционного развития материала, о социокультурных трансформациях древнего населения. Так, сопоставление наиболее ранних дат Зауралья и сопредельных территорий не дает возможности «закрыть» вопрос о путях неолитизации. Датирование и полная публикация архивных и постепенный ввод в научный оборот новых данных демонстрируют, что имеющиеся концептуальные представления уже не отражают всей сложности состава (в первую очередь, керамических) коллекций. Наконец, схематичный стадийный подход к типологии керамики, игнорирующий проблемные точки источниковой базы, не позволяет плодотворно решать ряд конкретных задач, диктуемых источником, таких как региональная специфика комплексов, культурные взаимодействия на стыке ландшафтных зон, особенности перехода от одного хронологического этапа к другому. Предлагаемый нами социокультурный подход представляется способным давать адекватные ответы на подобные вопросы и задачи.

Список литературы:

1. Чернецов В.Н. К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968. С. 41–53.
2. Бадер О.Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. М.: Наука, 1970. С. 157–171.
3. Ковалева В.Т., Варанкин Н.В. К вопросу о происхождении боборыкинской культуры // Вопросы археологии Приобья. Вып. 1. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1976. С. 21–29.
4. Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Историография и обзор основных памятников кошkinsкой культуры Среднего Зауралья // Вопросы археологии Урала: сборник научных трудов. Вып. 25. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. С. 73–113.
5. Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980. 219 с.
6. Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск: Издательство УрГУ, 1989. 82 с.
7. Зах В.А. Периодизация неолита лесного Тоболо-Ишимья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 1 (25). С. 70–83.
8. Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.
9. Мосин В.С. Социокультурное пространство в позднем каменном веке // Вестник Пермского университета. 2016. Вып. 1 (32). История. С. 19–27.
10. Шаманаев А.В. Каменная индустрия кошkinsкой культуры (по материалам памятников оз. Андреевского) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ИПОС РАН, 2001. С. 146–153.
11. Боталов С.Г., Григорьев С.А., Гуцалов С.Ю., Мосин В.С., Таиров А.Д. Археология Южного Урала. Степь. Проблемы культурогенеза. Челябинск: Рифей, 2006. 529 с.
12. Шорин А.Ф., Шорина А.А. Радиоуглеродное датирование неолитических комплексов Кокшаровского холма // Уральский исторический вестник. 2018. № 3 (60). С. 97–107.

13. Шорин А.Ф. О двух новых вариантах неолитической керамики козловского и боборыкинского типов по материалам Кокшаровского холма // Проблема изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. С. 154–161.

14. Жилин М.Г., Антипина Т.Г., Зарецкая Н.Е., Косинская Л.Л., Косинцев П.А., Иванова Н.К., Савченко С.Н., Успенская О.Н., Чаиркина Н.М. Варга 2. Ранненеолитическая стоянка в Среднем Зауралье (опыт комплексного анализа). Екатеринбург: Режевской печатный дом, 2007. 98 с.

15. Герасименко А.А. Характеристика керамики поселения Евстуниха I // Вопросы археологии Урала: сборник научных трудов. Вып. 25. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. С. 44–72.

16. Бунькова А.А. Радиоуглеродные даты с поселений Евстуниха I и Полуденка I // Вопросы археологии Урала: сборник научных трудов. Вып. 26. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. С. 236.

17. Кернер В.Ф. Поселение Исетское Правобережье // Неолитические памятники Урала. Свердловск: Уральский рабочий, 1991. С. 46–67.

18. Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Продолжение дискуссии о зауральском неолите // Вопросы археологии Урала: сборник научных трудов. Вып. 25. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. С. 30–43.

19. Стефанова Н.К. Исток IV – неолитический памятник Тюменского Притоболья // Неолитические памятники Урала. Свердловск: Уральский рабочий, 1991. С. 132–143.

Исследование выполнено в рамках научно-исследовательской программы «Древние и средневековые культуры Урала: региональные особенности в контексте глобальных процессов» и при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18–09–00040 «Корреляция хронологии неолитических культур степной, лесостепной и лесной зон от Дона до Иртыша».

EARLY NEOLITHIC OF TRANS-URALS: THE CONTEMPORARY VIEW ON HISTORIOGRAPHIC PROBLEMS

© 2019

Mosin Vadim Sergeevich, doctor of historical sciences,
director; leading researcher of Eurasian Studies Research and Education Centre
*South-Ural Branch of Institute of History and Archaeology
of Ural Branch of Russian Academy of Sciences (Chelyabinsk, Russian Federation);
South Ural State University (National Research University) (Chelyabinsk, Russian Federation)*

Yakovleva Ekaterina Sergeevna, postgraduate student of Archeology and Ethnography Department
*South-Ural Branch of Institute of History and Archaeology of Ural Branch of Russian Academy of Sciences
(Chelyabinsk, Russian Federation)*

Abstract. This paper is devoted to the critical issues of historiography and source study in the early Neolithic of the Trans-Urals. The authors consider basic dated monuments in the context of radiocarbon chronology; analyze the established criteria for identifying archaeological cultures and ceramic traditions and types of this period. Based on statistical processing of the ceramics of the forest-steppe Tobol region settlements: Tashkovo 1, Dolgovskoe 3, Kochegarovo 1, Ust-Suerka 4, the authors distinguish some stadial features in the evolving of the material culture of the early Neolithic in the first and second halves of 6 thousand BC. Attention is paid, firstly, to the co-existence of Koshkino and Kozlovo ancientries within the settlements, and, secondly, to the coincidence of a number of characteristics of Koshkino and Kozlovo material culture regarding the morphology of potteries, ornamentation techniques and basic decorative motifs. Within the framework of a sociocultural approach, it is proposed to consider the bodies of evidence as complexes of two coexisting and interacting traditions within one sociocultural space, understood in the source sense as an archaeological culture, instead of dividing them into two independent lines of development. Besides it is emphasized that the problem of the Neolithization of Trans-Urals, on the basis of the available data, at this time cannot be solved plausible.

Keywords: historiography; early Neolithic; Trans-Urals and forest-steppe Tobol region; radiocarbon chronology; Koshkino tradition; Kozlovo tradition; Koksharovsko-Yurinsky type; Evstyunichsky type; ceramic signs; cultural and chronological scheme; sociocultural approach; Neolithization.

УДК 7.031 (470.5)

DOI 10.24411/2309-4370-2019-12216

Статья поступила в редакцию 27.01.2019

ОБРАЗ ВОДОПЛАВАЮЩЕЙ ПТИЦЫ В ИСКУССТВЕ НЕО-ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА

© 2019

Сериков Юрий Борисович, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник археологической лаборатории
*Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт
(филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета
(г. Нижний Тагил, Свердловская область, Российская Федерация)*

Аннотация. Первая обобщающая работа об изображениях водоплавающей птицы в неолитическом искусстве представлена Н.Н. Гуриной в 1972 г. На основании многочисленных находок автор определяет их хронологию и территорию распространения, характеризует особенности изображений и предлагает реконструкцию общей картины мира. При этом Урал является самым восточным районом распространения изображе-